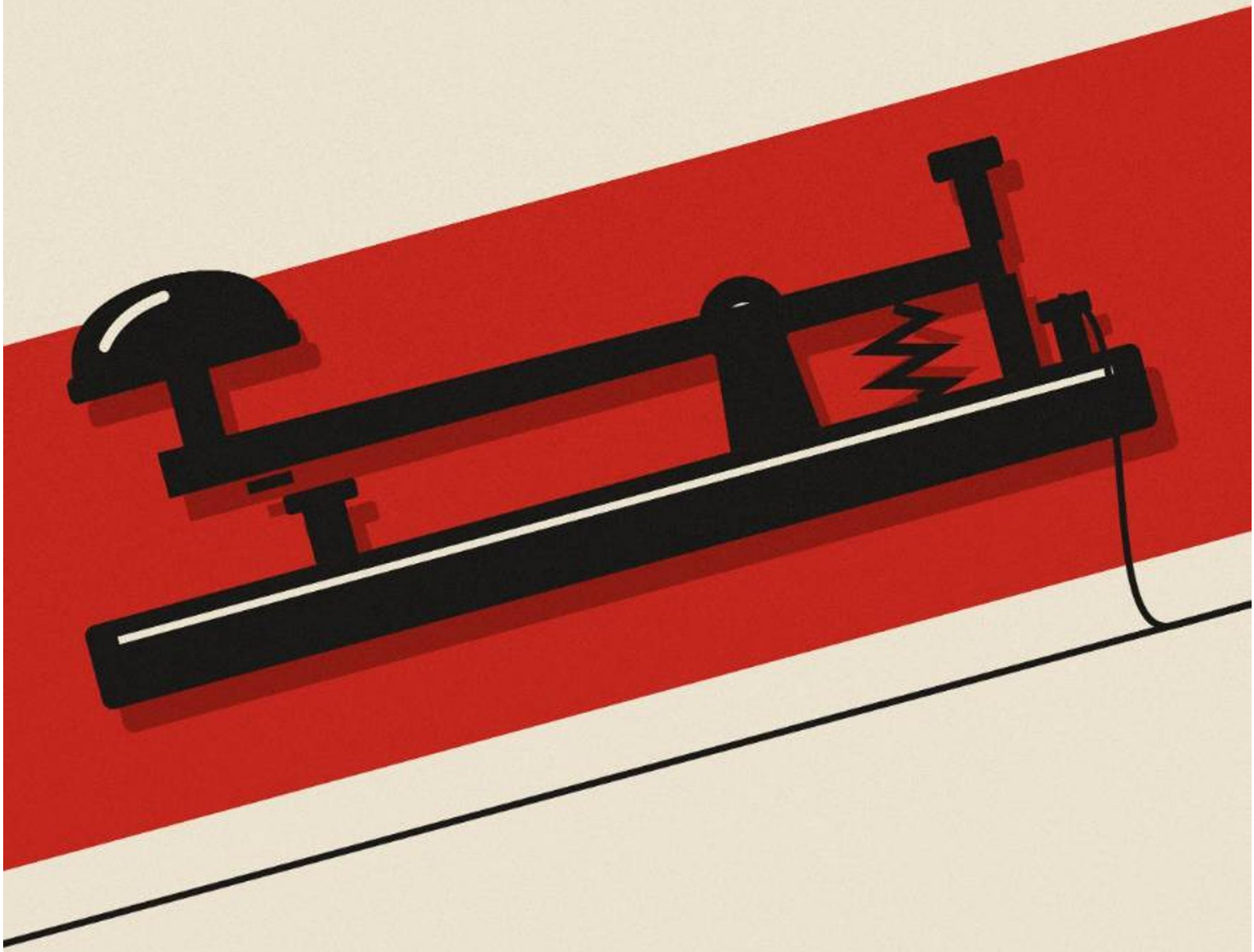
НАДЕЖКИН ИГОРЬ

СВЯЗИСТКА

Игорь Надежкин

Связистка

«Автор»
2026

Надежкин И.

Связистка / И. Надежкин — «Автор», 2026

Весна 1941 года. Юная телеграфистка из маленькой слободы бегает на танцы, получает письма сразу от трёх парней и не знает, кого из них ждать. А ещё ей очень нужны новые туфли.Через несколько дней после начала войны она добровольцем уходит на фронт. Окружение под Ленинградом, голод, болота, обстрелы. Связь должна работать, даже когда нет ни оружия, ни еды, потому что от неё зависят чужие жизни. Девушка держится, хотя война забирает у неё друзей, брата и ту девчонку, которой она была.Роман о долге и о цене, которую заплатили за Победу совсем молодые парни и девушки.

© Надежкин И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Детство 6
Глава 2. Весна 1941-го 9
Глава 3. Июнь 41-го 11
Глава 4. Моршанск 13
Глава 5. На фронт 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Игорь Надежкин
Связистка

16+

Глава 1. Детство

Родилась я в 1920 году в семье крестьянина, на хуторе Нижнее Березово Курской области.

Семья у нас была большая: отец, мать, дедушка, бабушка и десять детей. Мне было пять лет, когда я уже читала азбуку по божественной книге. Всю неделю мы работали в поле. В субботу, с шести вечера, дедушка собирал всю семью и заставлял молиться перед иконами. В воскресенье и в церковные праздники мы никогда не работали.

Всю весну и лето проводили в поле. Дети ухаживали за малышами, качали люльки и носили воду из колодца. Жили мы скромно. Очень нравилось мне, когда на обед варили полевой кулеш.

До организации колхозов все крестьяне имели свои участки земли. Обрабатывали их кто как мог. У нас была лошадь, соха, веялка, телега да сани. Весной выезжали в поле в четыре утра. Участки были далеко от деревни. Ехать приходилось без малого десять километров. Своего хлеба хватало на зиму, и еще сдавали государству.

Восьми лет я пошла в первый класс. Но учиться не пришлось, поскольку некому было ухаживать за малышами. Три года меня не пускали в школу родители. Лишь в семнадцать лет я окончила семь классов.

Мне очень хотелось стать учителем, но мечта не сбылась. Все лето я работала в колхозе и не смогла подготовиться к экзаменам в техникум. В итоге договорилась с подругой Шурой Ереминой не рассказывать родителям, что не поступили в педагогический техникум, а сразу искать училище, где проще было сдать экзамены.

Так мы обе оказались в Курской школе связи. Окончили мы ее в 1938 году, и нас с Шурой направили в Уразовскую контору связи Курской области на должности телеграфистов-морзистов. Шура не смогла работать на аппарате Морзе и перешла на почту принимать посылки.

Слобода Уразово была небольшим, но очень красивым местом. Здесь был Дом культуры, кинотеатр и библиотека, а вокруг — прекраснейшие луга, леса и река Северский Донец. Жили мы на частной квартире у местной старушки. Платили нам 150 рублей. Особенно не хватало обуви и одежды. Чтобы купить красивые вещи, приходилось экономить на еде.

В 1939 году я поступила на заочное отделение Курского техникума связи. Весной этого же года ко мне пришла первая любовь. Я встретила красивого парня, звали его Витя Могила. Но подружиться мы так и не успели. Осенью его забрали в армию. Мы могли только переписываться.

В конторе связи, помимо должности морзиста, я выполняла общественную работу: была заведующей красным уголком и секретарем комсомольской организации. Вела комсомольскую учебу в колхозах. Летом 39-го по зову Валентины Хетагуровой я организовала группу девушек для поездки на молодежную стройку в Комсомольск-на-Амуре. Но самой так и не удалось поехать. Начальник конторы сказал, что отпустит, только если я найду кого-то на свое место телеграфистки-морзистки, но таких не нашлось. А учиться на аппарате Морзе не так-то просто, ну самое малое — полгода.

Так я и осталась жить с Шурой. С ней мы жили очень дружно. Все делили поровну. Но она оказалась нечестной подругой. На почте она воровала вещи из посылок. Долго никто не мог обнаружить, где именно пропадают отправления.

В последний раз приняла она посылку, в которой был тюль. Она его вытащила, а в коробку положила всякой бумаги и газет, но не заметила, что на газете был штамп Уразовской конторы связи. Так и отправила ее в Ростов-на-Дону. Посылку получила девушка и тут же ахнула: вместо тюля — бумаги да газеты. Девушка сразу пошла к местному начальнику кон-

торы связи, а тот уже увидел на газете Уразовский штамп. С этой газетой он приехал к нам, в Уразовскую контору.

Против Шуры хотели возбудить уголовное дело, но она вызвала свою мать, у которой было десять детей, и начальник милиции помиловал Шуру. Предложили матери вернуть адресату стоимость посылки, а Шуру сняли с работы. Шура вместе с матерью вернулась на родину.

Так я осталась одна. Я ничего не знала про Шурины дела. Она мне ничего никогда не говорила. Было очень обидно и неприятно, ведь я ей доверяла. Вскорости у меня появились новые подруги: Аня, которая работала кондуктором ж/д вагонов, и Настенька — моя соседка, что работала нянечкой у начальника совхоза.

В 1939 году от порока сердца умерла моя сестра Аксинья. Ей было всего 17 лет. Я не смогла попасть к ней на похороны — был разлив, и все дороги размыло. Очень было жаль сестренку. Она была такая умная и красивая. Нас, детей, теперь осталось всего четверо. Мефодий ушел в 33-м на заработки да так и пропал во времена голодовки. Остальные умерли от разных болезней. Тогда ведь к врачам не обращались, лечились сами.

Осенью 1939 года я приехала домой в отпуск. Родители хотели выдать меня замуж за Петьку Исуса. Это был мой жених еще со школьной скамьи. Но я его не любила. Он нравился моим родителям. Петька учился в летной школе в Старом Осколе. Я с ним иногда переписывалась. Летом, во время каникул, он приезжал ко мне в Уразово. Все просил, чтобы я ни с кем не дружила и ждала, когда он кончит летную школу, и мы бы поженились. Однажды он нашел мой дневник, где я писала, что влюбилась в Витю Могилу, и как переживала и страдала по нем. Петька разорвал мой дневник на мелкие кусочки и хотел мне морду набить за плохое отношение к нему. А я его лишь больше от этого заненавидела. Перед отъездом Петька мне заявил, что если я кого полюблю, то он убьет меня и что он не может без меня жить. Но не успел он кончить летную школу, как в 40-м его забрали в армию. Просил меня приехать на проводы, но я сказала, что буду на экзаменах. Соврала. В самом деле не хотела к нему ехать. Теперь и с ним началась переписка.

Мне писали уже трое ребят: Витя Могила, Миша Лыков и Петька Исус. В эти годы парней было много, а девчат мало, вот и приходилось им драться за нас. За меня три раза дрались: дважды Петька Исус с Ваней Сорокиным, и Миша Лыков с Витей Могилой. В 39-м и 40-м было много молодежи. Во время гуляний все улицы были переполнены. В Доме культуры не помещались. Пьяных на улицах не было. Была развита художественная самодеятельность.

В эти годы были очень популярны Утесов, Лемешев, Козловский, Русланова и Шульженко. Я с подругами три раза в неделю ходила на танцы. Правда, танцевать не умела — сидела на стульях, как старуха. Парни меня все время приглашали, а я шла, чтоб не уснуть. Наступала им на ноги, бросала танцы и от стыда бежала на улицу. За год так и не научилась танцевать.

Я была как тумба — толстая, румяная, фигуры совершенно не было. Меня дразнили «помидориной», потому что щеки у меня были красные. Даже объявляла себе голодовку, чтобы похудеть.

Зимой 40-го меня чуть не выдали замуж. Месяца два я ни с кем не дружила, только переписку вела. И вот ко мне на телеграф, во время дежурства, пришел наш парторг Литвиненко. Он долго беседовал со мной и спросил, почему я замуж не выхожу — молодая, красивая и работаю хорошо. Он предложил мне, если я захочу, выйти замуж за начальника паспортного стола Головченко. Через пять дней этот Головченко прислал мне письмо и предложил встретиться около почты. После моего дежурства он встретил меня, поздоровался и отчитался: «Я начальник паспортного стола. Мне 29 лет». Он мне почему-то сразу не понравился. Даже не хотела с ним разговаривать. Он мне сказал, что давно следил за мной и что я ему очень нравлюсь: «Я говорить попусту не стану. Хочу на вас жениться», — а я ответила, что еще не нагулялась и чтоб он оставил меня в покое. Пока спорили, мы и не заметили, как дошли до моего дома. Я быстро шмыгнула в калитку и сказала: «До свидания. Я спать хочу. Больше ко мне не

приходите». Он еще ходил ко мне две недели, и все одно и то же: «замуж» и «замуж». Потом я «заболела» — не выходила на гуляния две недели, и он прислал мне записку: «Тамара, подумай хорошенько, потужишь». Я ему отказала и еще и оскорбила его. Назвала «старым хрычом», а потом пряталась от него.

Мне тогда очень надоела вся эта тема замужества. Миша Лыков писал мне из армии, что в 41-м кончит службу и мы поженимся. Петька Исус кончал летную школу в 41-м и грозил на мне жениться. Витя Могила то же самое писал. Я растерялась и не знала, кого ждать. А тут еще один жених привязался ко мне. Пришел из армии Вася Ковальчик, только раз увидел меня на телеграфе и тут же пришел знакомиться. Я ему соврала, что меня Нина зовут. А еще сказала неправду о том, где живу.

От парней не было покоя. Они мне так надоели, что порой я закрывалась на квартире и просила хозяйку говорить, что я уехала на родину. А у самой созрела мысль: «Не поехать ли мне на Финский фронт от них подальше?» Пошла в военкомат и заявила, что хочу на фронт. Военком ответил, что девушек не берут. Почему-то такое было настроение — уехать подальше. Потом взялась за учебу. Наш парторг Литвиненко готовил меня для вступления в партию. В феврале 41-го я вступила кандидатом в члены ВКП(б). В августе я собиралась поехать в отпуск к родителям. Поговорить о замужестве, кое-что приготовить к нему да повидать своих подружек.

Глава 2. Весна 1941-го

Весной 41-го комсомольцы нашей конторы связи усиленно готовились к сдаче норм ГТО и «Ворошиловский стрелок». Я очень любила заниматься в кружках «Общество содействия обороне» и ГСО. Хотя мои подруги не понимали этого и часто говорили: «Зачем нам, девушкам, изучать все это?!» Они еще не знали, что уже совсем скоро все это пригодится на практике.

1 мая 41-го мне не пришлось участвовать в параде — я дежурила на телеграфе. В тот день, глядя, как идут шеренги, я вспомнила май 38-го, когда я еще училась в Курске в школе связи. Мы с Шурой участвовали тогда в праздничном параде. Шли в колонне как физкультурники. Одеты мы были в красные футболки, белые тапочки и белые трусики. Очень мы были красивы в тот день.

После парада мы с Шурой пошли попить воды к колонке. Смотрим, стоят там наши девчата, с кем мы жили на квартире. Валя Каширина, Нина Лаптева, Тоня Подкопаева и Нина Белоус. Не успели мы отойти от колонки, как к нам подошли двое военных в форме летчиков. Просят у нас разрешения попить водички, а сами с нас глаз не сводят и говорят: «Ах! Какие девчонки красивые! Особенно те, что в трусиках», — и никак нас домой не пускают. Просят разрешения познакомиться. Спросили, где мы живем, а Нина Лаптева взяла и проговорилась. Мы не стали с ними разговаривать и ушли к трамвайной остановке.

Через три дня к нам в квартиру постучались. Мы сидели в комнате и занимались кто чем. Вдруг Нинка Лаптева начала смеяться. Смотрим, а на окне сидит один из тех летчиков. Смотрит на нас и говорит: «Пусть выйдет вот эта девушка», — и показывает на меня. Я испугалась и залезла под стол. Так и не вышла. Он подождал немного и ушел, но все же выведал у хозяйки, как меня зовут. На третий день я получила письмо: «Здравствуй, дорогая Томочка. Я очень огорчен, почему ты ко мне не вышла. Приду на воскресенье. Жди. Я тебя полюбил».

Так он и ходил два выходных, пока не поймал меня на пути из школы. Рассказал о себе. Звали его Ваня Ступин. Рассказал он мне, что был летчиком в звании старшего лейтенанта. Родом из Москвы. Сказал, что полюбил меня и не отстанет, пока я с ним дружить не соглашусь. Так и тянулось все лето. Вот только не понравился мне он. Я его избегала. Нарочно подговаривала ребят со школы, чтобы они ходили со мной. А он все никак не отставал. В августе мы кончили школу. Я ему не сказала, что мы с Шурой едем в Уразово. Не прошло и месяца, как он написал мне письмо. Ругал меня, что я ему не сказала. Мол, пошел бы он к директору и попросил бы разрешения остаться в Курске. Женился бы на мне.

А я была совсем еще девчонкой и не думала об этом всерьез. Но для семьи он был бы очень подходящий. Ухаживал за мной. Ценил меня. Писал мне целых два года. Я несколько раз переезжала с квартиры на квартиру, а он всегда разыскивал меня и писал.

Но я по-прежнему не думала о замужестве. Во-первых, у меня не было одежды и обуви. К Первому мая я стояла в очереди целых два дня, а когда наконец подошла моя очередь, 39-го размера уже не было, и я осталась опять без туфель. Берегла свои брезентовые. До блеска начищала их гуталином. Берегла я и свое единственное маркизетовое платье, которое купила еще в Курске. В те годы было очень трудно с материалом. Невеста я была бедная, потому замуж и не стремилась.

Уж очень мне хотелось одеться покрасивее. А как-то раз пришел к нам на телеграф бухгалтер Заготзерно. Он случайно подслушал, как я просила нашу телефонистку, Ткаченко Марусю, привезти мне туфли из Харькова. Подходит к окну этот бухгалтер. Я приняла телеграмму и выдала ему квитанцию, а он мне и говорит: «Знаете, а я еду в Харьков. Могу помочь вам с туфлями». Я так обрадовалась, что совсем голову потеряла. А он говорит, мол, давайте мне деньги и пишите, какие туфли вам нужны. Я ему 200 рублей и отдала.

Прошло пять дней. От бухгалтера нет вестей. Позвонила я в Заготзерно и спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, ваш бухгалтер Лапшин уже вернулся из Харькова?

— А он никуда и не ездил, — отвечают мне на том конце.

Я испугалась, но промолчала. На второй день я пошла в Заготзерно. Увидела Лапшина и спрашиваю, купил ли он мне туфли. На что он мне отвечает, мол, поеду скоро и куплю. А когда я стала требовать деньги назад, и вовсе сказал:

— Знаете, барышня… Вы меня извините, но деньги ваши я уже потратил. Отдам, как будет получка.

Я пошла к главному бухгалтеру и от него узнала, что этот треклятый Лапшин уже забрал деньги за два месяца вперед и что он уже всему поселку должен. Ничего не оставалось — отправилась домой и проплакала всю ночь.

Утром пошла в милицию. Дежурный пообещал мне помочь, и на другой день мы пошли с ним к Лапшину. Заходим, а он сидит дома и курит. Милиционер и спрашивает: «Почему не отдаете деньги гражданке?!» Лапшин обещал скоро отдать. Ходили к нему еще два раза, а все без толку. Так и пропали мои деньги.

А когда рассказала своему парторгу Литвиненко, так тот и вовсе надо мной рассмеялся и говорит: «Когда же ты перестанешь доверять всем подряд, малышка ты моя?» Им смешно, а мне горе было. Больше я об этом никому не рассказывала. Стыдно было.

Я всю жизнь была доверчивая ко всем. Сама я никого не обманывала и думала, что все так поступают. Частенько бывало, что давала деньги в долг, а потом меня эти люди стороной обходили. Не здоровались даже.

Глава 3. Июнь 41-го

В конце мая 41-го поступила к нам на телеграф одна девчонка, Полина. Я сразу с ней сдружилась. Ей было всего 19 лет. Она любила одного парня из типографии, а он ее нет. Так и мучилась она. Мы с ней дежурили в одну смену. Вместе на гуляния ходили. Полина была местная и жила богато. Я позвала ее в августе вместе поехать ко мне на родину, и Полина согласилась.

22 июня 1941-го мы с Полиной дежурили вместе. Я на телеграфе, а она на телефоне. Купили молока на базаре да булок. Сидели за столом и пили из одного кувшина. Так смеялись, что я чуть этим молоком не захлебнулась. Потом увидели, как на почту зашли военные. Мы не придали этому значения. В ту весну в Уразово прибыло много военных, якобы на учения. Связисты часто ходили к нам на телеграф на практику.

Ровно в 12:00 мы должны были давать радио на село. Я включила рубильник и вдруг слышу: «Сегодня, в 4:00, немецкие самолеты бомбили Оршу, Брест, Барановичи, Киев…» Я не поверила. Кричу Полине: «Скорее сюда!» — а она уже слушает по телефону и не поймет, в чем дело. Потом звонок из НКВД: «Быстро дайте начальника милиции!» — а мы подслушали их разговор. И лишь повторяли: «Боже мой! Какой ужас! Ведь это же война!» Комок в горле застрял. Мы бросили еду. Уже не могли кушать.

Этот день ведь выходной был. Все жители Уразово были на островке. Гуляли. Купались. День был погожий. А уже через час посыпались телеграммы: «Еду из отпуска на фронт», «Срочно выезжайте для отправки на фронт». Так стало страшно и жутко. В голове все помутилось. Страшные мысли лезли. Пропал мой отпуск. Не увижу родных. Как жить-то теперь и что делать?

Вскоре в поселке поднялась суматоха. Пошли проводы на фронт. Женщины рыдали. Так прошла вся неделя: отправка на фронт, крики, слезы. После дежурства пришла домой и думала, что делать дальше. Ведь там такие же ребята, как я, проливают кровь. Лежат раненые без воды и еды. И Миша мой там. И Витя. И другие ребята теперь там.

Решила, что тоже пойду. Утром направилась в военкомат с заявлением. Мне сказали, что 19–20-й год рождения пока не берут, а я в ответ: «А если я хочу добровольно, тогда как?» Военком сказал, что позвонит в Курск и сообщит мне. Я пошла к Нюре, дочери хозяйки квартиры. И долго с ней говорила. Она ведь приехала из Харькова на лето и не знала теперь, что ей делать.

Я когда ей сказала, что хочу поехать на фронт, она даже от меня отшатнулась: «Ты с ума сошла?! Ты что такое говоришь?» Потом мне все говорили, что я делаю глупость. А я места себе не находила. Тогда пошла к своему парторгу Литвиненко. Только он меня поддержал. Я пошла домой и всю ночь не спала. Хозяйка меня ругала.

На следующий день я работала до 14:00. После работы я зашла за Нюрой, и мы пошли искупаться на речку Оскол. Домой вернулись через час. Приходим, а на двери написано мелом: «Тамара, срочно на почту!» Я испугалась. Думала, исказила телеграмму. Бегом побежала на почту. А когда бежала мимо военкомата, меня окликнули. В окне я увидела старшего лейтенанта. Он махал мне рукой. Забежала я в военкомат, а мне говорят: «Зорина, сегодня в 17:00 отправка на фронт. Твою просьбу удовлетворили», — а я стою, как окаменелая, и не знаю, что сказать. Только и прошептала: «Спасибо», — и устремилась к выходу.

Прихожу на почту, а там меня уже обыскались. Меня кто ругает, кто плачет. Приготовили мне подарки, цветы и еду. А я растерялась и все приготовленное забыла на почте. Пошли мы к военкомату. А там уже народу столько, что не протолкнуться. Кругом одни мужчины, а девушек — никого! Мне стало не по себе. Заиграл оркестр. Женщины стали плакать и причитать. Когда машина тронулась, у меня сердце так забилось, что я его слышала. Со мной ехали

одни мужчины, а я все смотрела в лица провожающих. Мужчины меня ругали, что я на фронт поехала. А мне и стыдно, и страшно. До Валуек нас провожал военком. Когда приехали, все стали кушать, а я только тогда поняла, что еду на почте забыла. Военком дал мне денег на обед.

На другой день мы поехали в Курск. Там я встретилась с другими девушками-телеграфистками. Было нас человек сорок. Потом поехали в Воронеж. Там еще прибавилось девчат. Оказывается, формировался полк связистов из девушек-телеграфистов.

Глава 4. Моршанск

Из Воронежа нас привезли в город Моршанск Тамбовской области. Мы были еще в гражданской одежде. Здесь о войне ничего не напоминало, только что в городе было много военных. Нас поселили в двухэтажном здании. Затем собрали всех на улице. Перед строем комиссар объявил, что мы теперь красноармейцы. Сказал, что завтра мы пойдем в баню, а после нам выдадут военное обмундирование. Девушки наши были почти все красивые. С модными прическами и завивками.

После бани старшина выдал нам военную форму, при этом сказав: «Извините, дорогие девушки, но пошито не по вам». Мы стали разбирать, кому что подойдет, но там все было нам велико. Кое-как оделись. Вышли и рассмеялись — прям сейчас нас можно было вместо чучела на огород ставить. С того дня началась наша военная жизнь.

После нас разместили в лесу. Разбили по ротам и взводам. Из десяти девушек, включая меня, собрали отдельную роту — 113 ОЭТР. Командовал нами старший лейтенант Шестаков. Армейский режим нам не понравился. Время было рассчитано так, что с 7:00 до 23:00 мы всегда были чем-то заняты. К вечеру мы так уставали, что падали на нары, как мешок с песком. Мы должны были успеть за месяц пройти программу военной подготовки: изучить винтовку, отработать шаг, стрелять и ползать по-пластунски. Все время пели. Запевалой была Ася Рыжова. Пели «Катюшу» и «Тачанку». В обмундировании было очень жарко. Мы натерли себе ноги. Все похудели.

В конце месяца нас собрал комиссар и сказал, что завтра мы поедем смотреть город. Когда приехали, остановились возле парикмахерской. Зашли туда, а комиссар тут говорит: «Девушки, пришел приказ. Скоро отправка на фронт. Мне приказано всех вас наголо остричь». Мы так и ахнули. Но приказ есть приказ. Когда вышли, даже не узнали друг друга — стали точно мальчишки. Перед отъездом пошли сфотографироваться, все десять девушек: Аня Демченко, Люба Кузьмина, Аня Голованова, Дора Седых, Ася Рыжова, Аня Мохова, Нина Ершова, Катя Онищенко, Лиза Ракитская и я.

Глава 5. На фронт

10 сентября нас отправили на Ленинградский фронт. Ехали мы в обход, через Москву. Москва в то время уже была вся затемнена. Столицу бомбили немецкие самолеты. На фронт мы прибыли 16 сентября.

Пока мы ехали, наши войска все время отступали на восток. Приехали мы практически в лапы врага. Железнодорожная станция была разбита, и ехать дальше нам было некуда. Начальник эшелона сбежал — сошел где-то по пути, и никто его не видел. Везде дымились догорающие танки и самолеты. Всюду мотались голодные фигурки и просили у нас поесть. В касках, грязные, оборванные. Наш комиссар принял на себя командование эшелоном. Дали нам инструктаж. По команде «Тихо!» свет не зажигать и не разговаривать. Мы стали выгружаться из вагонов. Сперва лошадей, затем аппаратуру, боеприпасы и еду. Вдруг нас осветило несколькими световыми ракетами. Нам стало страшно. По телу так и бегали мурашки. Озноб пробирал с ног до головы. Потом начали стрелять. Кто? В кого? Ничего не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.